

УДК 316.74:81; 316.344.3

ГЕРД ХЕНТШЕЛЬ,

PhD, профессор славянского языкознания Института славистики при Университете им. Карла фон Оссецкого (Ольденбург, Германия)

ЯН ПАТРИК ЦЕЛЛЕР,

научный сотрудник Института славистики при Университете им. Карла фон Оссецкого (Ольденбург, Германия)

Языки и коды в центральных регионах Украины: мнения и attitudes¹

Аннотация

Дебаты по языковому вопросу в Украине часто исходят из предположения о дихотомии между украинским и русским языками. Это не согласуется с сосуществованием обоих языков в общественном и личном употреблении и не учитывает существования так называемого суржика, то есть широко распространенной украинско-русской смешанной речи (УРСР). На основании опроса, проведенного в июне / июле 2014 года, в статье исследуются аспекты распределения этих трех кодов в центральных областях Украины. На основе анализа ответов респондентов на вопросы: об их основном используемом коде; о никогда не используемых кодах; об их одно- или многоязычии; об их первом языке обосновательно подтверждается разделение всего центрального ареала Украины на пять субареалов, как предлагалось в исследовании Хентшеля и Тараненко (2015). В трех субареалах, занимающих большую часть центрального ареала, самую сильную позицию занимает украинский (с разной степенью отчетливости), преобладая над УРСР и русским. Только в Сумской и Днепрпетровской областях самую сильную позицию занимает УРСР, а в Харьковской — русский язык. В других аспектах анализа (по поводу языка обучения, оценки УРСР как более украинского или русского) проявляется разделение между Харьковом и

¹ Это измененный и доработанный русский вариант статьи “Meinungen und Einstellungen zu Sprachen und Kodes in zentralen Regionen der Ukraine”, подготовленной для публикации в “Zeitschrift für Slawistik”. За помощь в подготовке русскоязычной версии статьи авторы благодарят Олесю Палинскую и Анастасию Рейс.

другими субареалами. В целом влияние этих региональных различий явно наиболее выражено, в то время как влияние других социально-демографических характеристик (пол, возраст, образование) имеет второстепенное значение.

Ключевые слова: языковая ситуация в Украине, язык и общество, многоязычие (в обществе), индивидуальное многоязычие, языковой контакт

1. Введение

Признание того, что в Украине существует языковой конфликт, стало на Западе едва ли не общим местом. Это связано не только с сетованиями московских властей насчет якобы существующей дискриминации или даже преследования русских или русскоязычных в Украине. Эти подозрения также подпитываются противостояниями, имевшими место в украинском парламенте в мае 2012 года. Тогдашняя оппозиция яростно протестовала против намерения президента Януковича и приближенного к нему правительства принять новый закон о языках, повышающий статус русского языка в стране, хотя и не возводящий его в ранг второго государственного. Однако среди населения языковой вопрос, судя по всему, гораздо менее способен оборачиваться конфликтами (см.: [Хентшель, Брюггеманн, 2015]). По поводу же наличия военного конфликта на востоке и отчасти на юге страны, конечно же, не может быть никаких сомнений.

В данном исследовании речь пойдет об отношении украинцев к языкам и кодам в их стране. Это, в первую очередь, украинский и русский языки, но также и украинско-русская смешанная речь (УРСР), которую среди населения и, как правило, в научных работах называют суржи́ком. В случае с украинским и русским будут исследованы прежде всего установки (attitudes), имеющие политическое измерение¹. Будет также проанализирована связь между этими установками и речевым поведением индивидов, то есть между установками и самооценками украинцев касательно частоты использования трех повсеместно встречающихся в Украине языков / кодов. Основной вопрос таков: имеют ли влияние (и если да, то в какой степени) предпочтения в использовании трех кодов на отношение к укреплению статуса украинского и русского языка в украинском обществе.

Кроме того, будут проанализированы аттитюды по отношению к УРСР. Этому явно субстандартно-языковому явлению часто приписывают низкий престиж и очень негативный имидж. Однако, во-первых, то, что такой низкий престиж, в принципе, существует среди населения, не было эмпирически доказано в научной литературе. Широко известно, что определенные, пуристически настроенные представители “natural language ideology” в науке и образовании осуждают УРСР. Для них суржик — это “кровосмесительное дитя двуязычия”, как его назвал Юрий Андрухович (см.: [Stavyc'ka, 2014]). Во-вторых, при этом упускают из виду, что “отношение к языку” — много-

¹ Языковые параметры скорее индивидуального, хотя и стереотипного вида, такие как субъективные обзоры (например, в измерении *приятный — неприятный*), или стереотипные отзывы носителей соответствующих языков, не охвачены этим исследованием. О разных аспектах отношения к языку см.: [Garrett et al., 2003].

мерное явление, то есть что установки в отношении языковых вариантов проявляются на разных уровнях. Поэтому эти установки не всегда однозначны и не во всех аспектах они сугубо положительные или отрицательные (см.: [Ryan et al., 1982; Preston, 1999; Krause, 2013]).

Результаты, представленные здесь, взяты из исследовательского проекта, посвященного, прежде всего, УРСР: “Вариативность и стабильность в смешанном субстандарте в экстенсивном и долговременном языковом контакте: украинско-русская смешанная речь в Украине”¹. Этот проект и, соответственно, лежащие в его основе данные охватывают не всю территорию Украины, а лишь ее центральные области, считающиеся ареалом, в котором УРСР является наиболее распространенной. Это регионы, которые традиционно считаются центральной Украиной, и прилегающие к ним регионы — Хмельницкий на западе, Харьков на востоке и Днепропетровск (ныне — Днипро) на юго-востоке. В июне / июле 2014 года в этом ареале был проведен закрытый опрос 1400 респондентов из 56 городов, без участия трех городов-миллионеров — Киева, Харькова и Днепра, поскольку города такого размера в лингвистическом плане, конечно же, очень отличаются от своего окружения и в большей степени ориентированы на литературные языки. Из этих 1 400 респондентов 1 343 определили себя как украинцев по национальности (а не русских, поляков и т.д.). В представленном далее анализе участвуют респонденты исключительно украинской национальности.

Основанием для дальнейших сравнений является разделение исследуемого района, осуществленное в: [Хентшель, Тараненко, 2015] при помощи кластерного анализа на основании оценок респондентов насчет частоты кодов в повседневной жизни, а именно частоты их использования среди самих респондентов, в их семьях и в их ближайшем окружении. В этом анализе показано, что рассматриваемые одиннадцать регионов разделяются относительно расчетной частоты использования трех кодов на пять групп.

В ареалах А, В и С, с точки зрения респондентов, украинский превалирует в использовании над УРСР и русским. Градация существует относительно доминирования украинского языка по сравнению и с другими кодами, особенно по сравнению с УРСР. В ареале А это доминирование проявляется гораздо отчетливее, чем в В, в С — менее отчетливо. В целом различия внутри ареалов А, В и С, тем не менее, значительно меньше, чем различия между ними, с одной стороны, и двумя оставшимися областями — с другой. В ареале D, состоящем из двух несмежных регионов, Сум — на севере и Днепра — на юго-востоке, по мнению респондентов, УРСР в использовании преобладает над украинским и русским. Наконец, на фоне остальных ареалов наиболее ярко выделяется ареал Е, который состоит из одной области — Харьковской. Здесь русский четко доминирует над УРСР и украинским (подробнее об этом см.: [Хентшель, Тараненко, 2015]). В целом видно, что различия в использовании языков, проявляющиеся в центральных областях

¹ Проект был поддержан Фондом Фрица Тиссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) и возглавлен одним из соавторов, Гердом Хентшелем, а также социологом Бернхардом Киттелем из Венского университета. Партнерами в Украине выступили киевские коллеги Александр Тараненко (лингвистика) и Николай Чурилов (социология). Последний осуществил со своими сотрудниками сбор данных с помощью закрытых и открытых опросов (интервью) “в поле”.

Украины, имеют градуальный характер. Во всех ареалах используются все три кода. Градуальные различия следуют не только по оси восток — запад, но и вырисовываются по направлению центр — периферия. Итак, в регионах периферийных ареалов С и D доля распространенности УРСР выше, чем в центральных и промежуточных регионах ареалов А и В.

Рис. 1. Карта ареалов по частоте использования трех кодов

Черные буквы: украинский преобладает над УРСР и русским (А) — (С).
Подчеркнуто: УРСР преобладает по сравнению с украинским и русским (D).
Белые буквы: русский доминирует над УРСР и украинским (Е). Оттенки серого определяют степень использования украинского: более светлый — выше vs более темный — ниже

В последующем анализе будет показано, насколько эти ареалы различаются между собой в плане отношения к языкам, или кодам. При этом важно подчеркнуть, что касательно распределения по полу, возрасту и образованию группы респондентов в ареалах оказались очень однородными (см.: [Hentschel, Zeller, 2016]). Поэтому исключено, что предположительные различия касательно языковых установок между ареалами обусловлены воздействием трех упомянутых социальных параметров.

2. Языковой вопрос — политический конфликт: мнения и attitudes

Из описанной выше постулируемой многими сторонами связи между “языковым вопросом” и политическим конфликтом возникает необходимость выяснить, видна ли такая связь широким слоям населения. Респондентов попросили поддержать или опровергнуть определенные утверждения.

Свое мнение они могли высказать в четырех вариантах: полностью согласен, скорее согласен, скорее не согласен, полностью не согласен (см. рис. 2а)¹.

Мнение людей в центральной части Украины по поводу связи между языковыми вопросами и политическими конфликтами является достаточно сбалансированным, несмотря на некоторые различия.

2а. Языковой вопрос является важнейшим основанием для политического конфликта в Украине

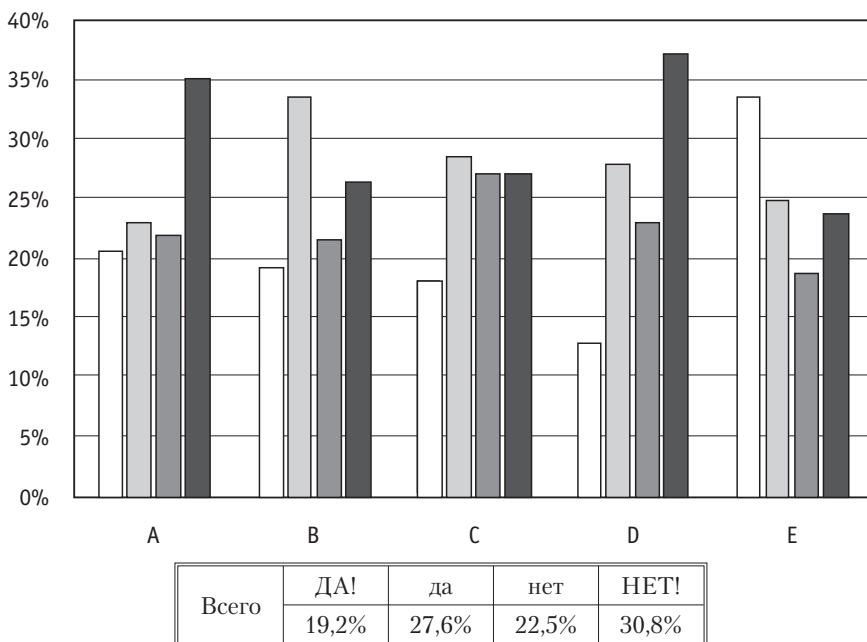

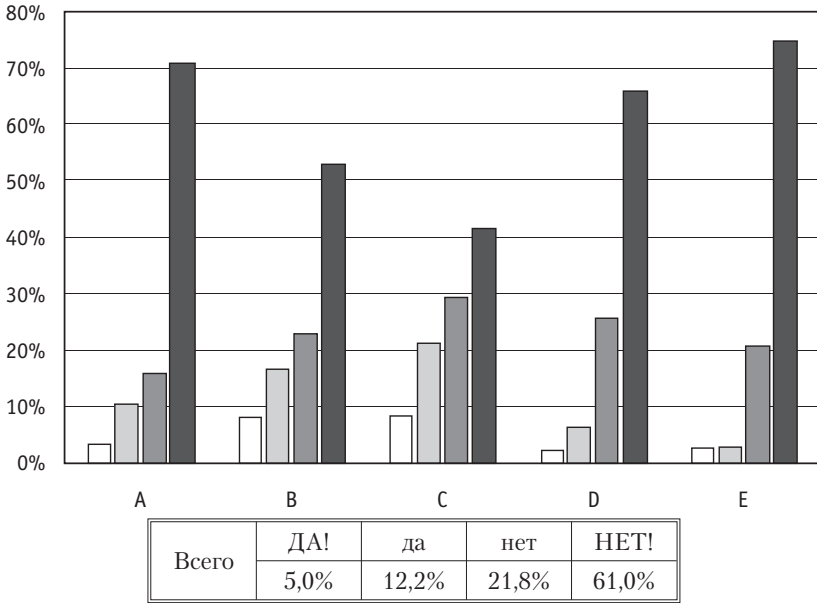
Рис. 2а. Языковой вопрос — политический конфликт (распределение по ареалам)

В целом слегка преобладают отрицательные реакции. Убежденное отрицание тезиса о значении языкового вопроса для политических конфликтов (среднее значение для всего ареала) встречается значительно чаще (31%), чем убежденное согласие (19%). Ареальные различия действительно наблюдаются, но они не очень сильно выражены. Хотя согласие в ареале Харькова (Е), где, как было сказано, русский язык является наиболее распространенным, наблюдается чаще, но даже здесь этот показатель не достигает (полное и частичное согласие вместе) 60-процентной отметки. Отрицание же является наиболее частым в ареале D, то есть в Днестре и Сумах, где доминирует УРСР, и оба эти региона, как и Харьков, находятся в восточной части исследуемой территории, то есть достаточно близко к конфликтным регионам — Донецку и Луганску. Таким образом, повсеместно преобладает скорее скептицизм населения. (Влияние параметров пола, возраста и образования в этих оценках в целом не просматривается.)

¹ В диаграммах варианты ответов “полностью согласен, скорее согласен, скорее не согласен, полностью не согласен” обозначены как “ДА!, да, нет, НЕТ!”. В таком же порядке колонки располагаются слева направо.

Очень четкое позиционирование респондентов обнаруживается, когда их спрашивают о правах украинско- и русскоязычных. Респондентам были предложены два утверждения: “Украинское государство ущемляет права украиноговорящих” или же “русскоговорящих граждан” (ср. диаграммы на рис. 2*b, c*).

2*b*. Украинское государство ущемляет права украиноговорящих граждан

2*c*. Украинское государство ущемляет права русскоговорящих граждан

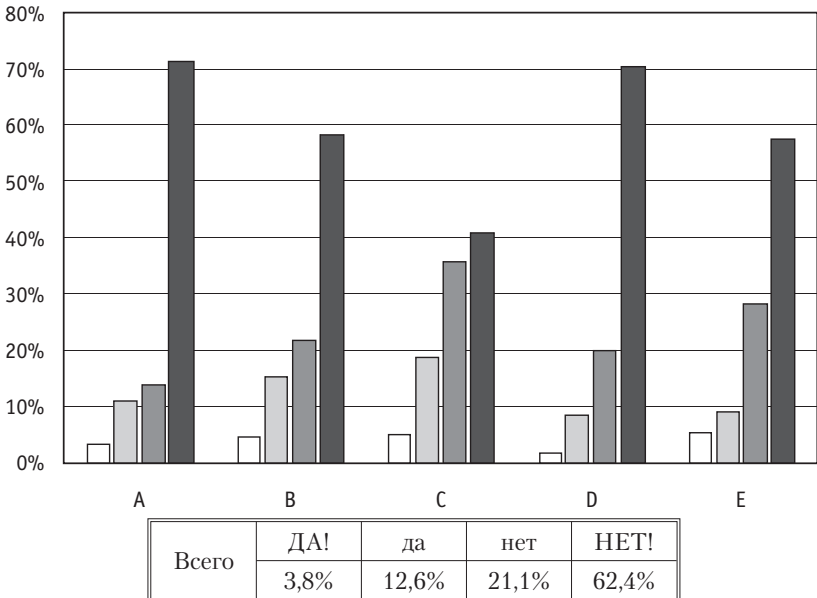
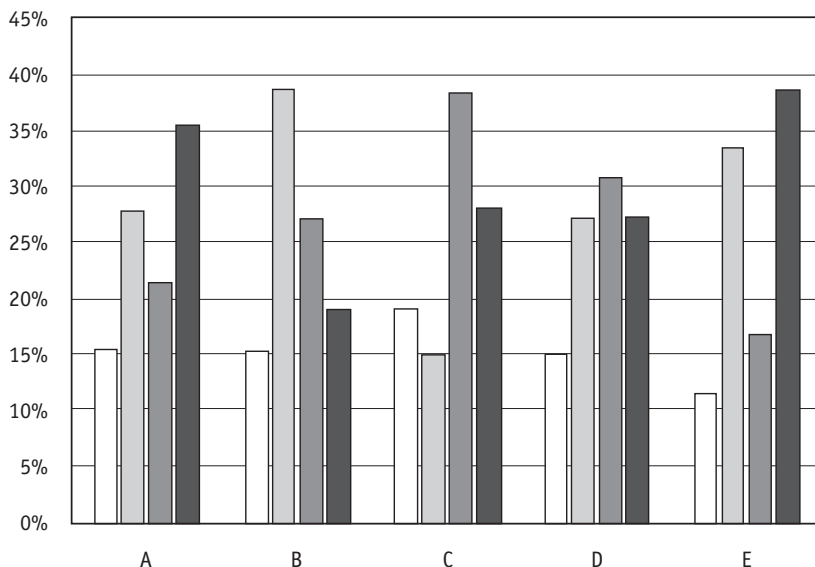

Рис. 2*b, c*. Государство и права украинско- и русскоязычных граждан

Четкое отрицание обоих высказываний очевидно не только в среднем по всему исследуемому ареалу, но и в каждом из пяти субареалов¹. Особенно интересно то, что даже в четко ориентированной на русский язык Харьковской области (Е) лишь немногим более десяти процентов респондентов (убежденно или частично) считают, что украинское государство нарушает права русскоязычных.

Вышеуказанные попытки правительства “Партии регионов” тогдашнего президента Януковича в целом предусматривали облегчить в “официальных” контекстах использование тех языков, которые в соответствующих регионах Украины по данным переписи являются родными по меньшей мере для десяти процентов населения. На практике от этого выигрывает только русский язык, прежде всего на Востоке и Юге страны. Соответственно, следующий вопрос в анализе звучит так: как относится население центральной Украины к улучшению статуса русского языка в официальных контекстах на юге и востоке страны. Этот вопрос связан с тем, где должны приниматься решения по языковым вопросам, а именно: централизованно в Киеве или децентрализованно в регионах. Соответствующие формулировки звучат так: “На Юге и на Востоке Украины следует повысить статус русского языка в общественных учреждениях” и “Политические решения, связанные с языковым вопросом в Украине, должны приниматься не в Киеве, а только на региональном уровне” (рис. 2d, e).

2d. На Юге и Востоке Украины следует повысить статус русского языка в общественных учреждениях

Всего	ДА!	да	нет	НЕТ!
	15,5%	29,1%	26,5%	28,9%

¹ 75% респондентов отрицают оба утверждения (преимущественно или абсолютно); 9% не согласны в отношении одного из языков и согласны в отношении другого; 8% согласны в отношении обоих языков.

2е. Политические решения, связанные с языковым вопросом в Украине, должны приниматься не в Киеве, а только на региональном уровне

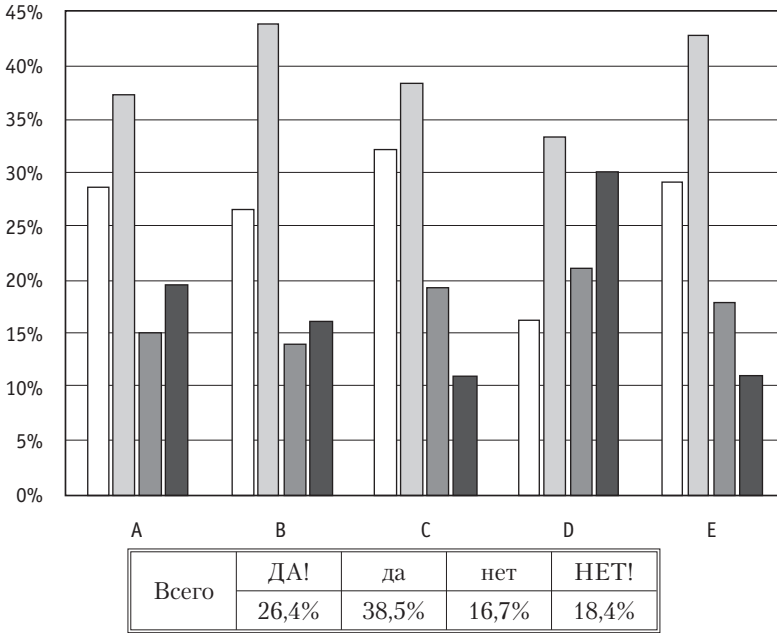

Рис. 2д, е. Статус русского языка на Юге и Востоке и место принятия решения об этом

По поводу необходимости повышения статуса русского языка на Юге и Востоке страны опять же просматривается довольно сбалансированная картина, хотя и с общей тенденцией к негативным ответам. Убежденное “да” указали лишь немногим более 15%, убежденное “нет” — почти в два раза больше. Показательно, что результаты в диаметрально противоположных ареалах — А, с его очевидным предпочтением использования украинского, и Е, с самой сильной ориентацией на русский, — почти идентичны. Но причины распределения ответов в обоих ареалах, несомненно, разные. Если в ареале А широкое использование русского языка считается нежелательным, то в ареале Е имеет место широкое его применение¹. В ходе опроса в Харькове в 2004 году (см.: [Søvik, 2007: р. 172]) 67,2% из около 800 респондентов указали, что русский часто или постоянно используется в административных вопросах и государственных учреждениях; 50,5% заявили, что там постоянно или часто используется украинский. О том, что украинский в этих контекстах не используется никогда или же используется редко, заявили 17,1%; 12,4% назвали русский как редко или же никогда не используемый.

Особая тенденция к согласию (около двух третей) заметна в ареале С, то есть в несмежных Житомирской и Кировоградской областях, лежащих да-

¹ В 2012 году городской совет Харькова признал русский язык в качестве официального регионального языка [(Moser, 2013: р. 386)]. Признание русского языка в качестве регионального было осуществлено еще в 2006 году вследствие ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, но суд признал это решение недействительным [(Moser, 2013: р. 88; Søvik, 2007: р. 126–128)].

лее к западу от Харькова, и этому феномену здесь не находится объяснения. Но в общем на всей территории исследования заметен большой скепсис по поводу того, есть ли необходимость в повышении статуса русского языка на Юге и Востоке страны¹.

Этот вывод, однако, не следует интерпретировать как решительный отказ от возможного улучшения статуса русского языка. На это ясно указывает реакция на второе утверждение: во всем ареале исследования и (более или менее выражено) в каждом частичном ареале в среднем превалирует согласие по поводу того, что решения по языковым вопросам должны приниматься на местном уровне, даже в “наиболее украинском” ареале А. Сопоставляя оба заключения, можно подытожить мнения по вопросу о повышении статуса русского языка на Юге и Востоке следующим образом: в центральной части Украины на самом деле широко распространен скептицизм по поводу такой необходимости, но считается правильным, что этот вопрос следует решать на местном уровне. Таким образом, установки в этом отношении являются очень либеральными². При этом они не зависят от различий по полу, возрасту или образованию ни для одного из этих двух вопросов.

3. Ожидания сограждан по поводу знания языков

Таким же либеральным является отношение людей к тому, можно ли быть украинцами, не говоря на украинском. В среднем две трети респондентов утверждают это (опять же без различий относительно пола, возраста и образования), причем даже в тех частях центральной Украины, где использование украинского языка выражено наиболее сильно: ареалы А и В. С другой стороны, еще более отчетливо — во всех частичных ареалах — выражено (опять же, без различий по полу, возрасту и образованию) мнение, что все граждане Украины должны владеть украинским (см. диаграммы на рис. 3а, б).

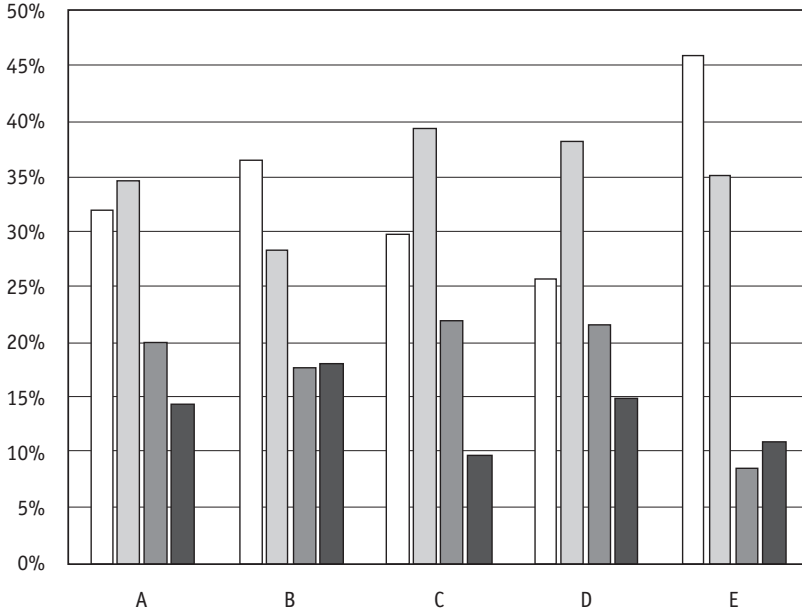
С другой стороны, утверждение, что все граждане Украины должны знать русский язык, не находит всеобщей поддержки (диаграмма на рис. 3с).

В среднем две трети респондентов не согласны с этим утверждением, но все же треть — согласны (опять же без влияния пола, возраста и образования). При этом нет ничего неожиданного в том, что только каждый пятый в регионе А высказывается в пользу необходимости владения русским языком для всех украинцев. Доля носителей убежденного “нет” достигает здесь почти 50-процентной отметки. Но при этом удивительно, что как в Харькове (Е), так и в восточных районах (Сумы и Днепр, D) согласие высказали только от 25% до 30%. Самая большая доля людей, поддерживающих это мнение (почти 50%), обнаружена в ареале В, в котором находится столица —

¹ Это согласуется с данными опроса Института социологии НАНУ, опубликованными в [Ukraine-Analysen 2015: 152, S. 16] в виде графика для всей Украины в средних значениях, где “нет”, выраженное 50% респондентов, лишь немного превышает “да”, выраженное 30%. (Здесь речь идет собственно о том, следует ли русскому языку предоставить официальный статус.)

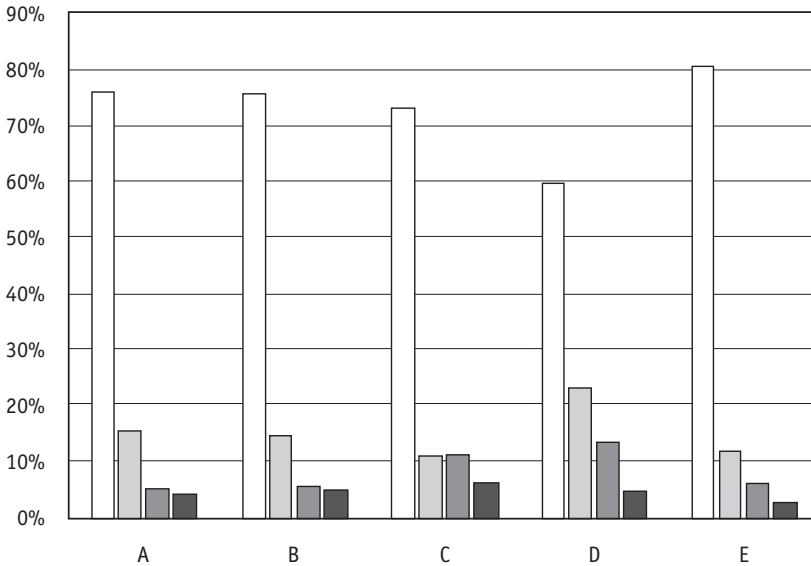
² Также здесь можно обнаружить сходство наших результатов с результатами, приведенными в: [Ukraine-Analysen 2015: 152, S. 17] (в ходе опроса, проведенного в феврале 2015 года Киевским международным институтом социологии. В Центре и на Западе большинство респондентов высказалось за повышение официального статуса русского языка в тех областях, где большинство населения этого хочет.

3а. Можно быть украинцем, не говоря на украинском

Всего	ДА!	да	нет	НЕТ!
	32,4%	34,3%	19,1%	14,2%

3б. Все граждане Украины должны знать украинский

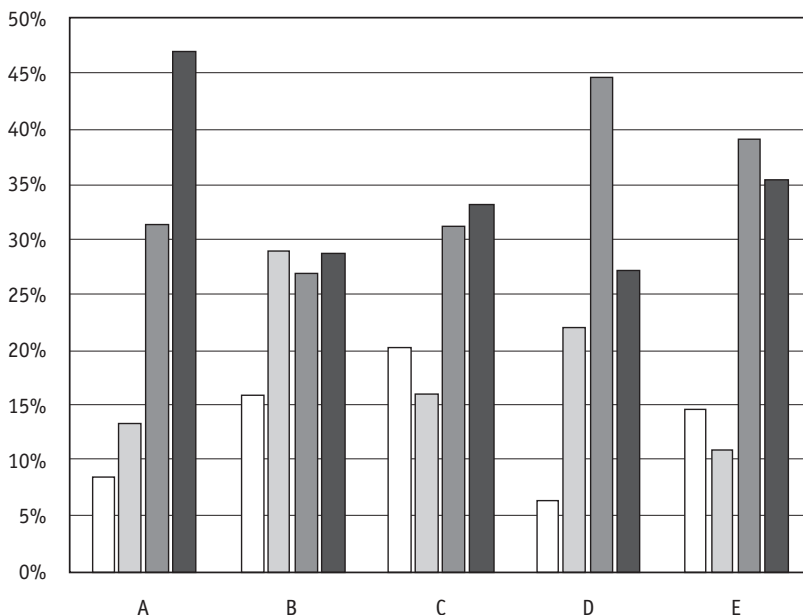

Всего	ДА!	да	нет	НЕТ!
	72,6%	15,3%	7,6%	4,6%

Рис. 3а, б. Знание украинского — обязательно vs ожидаемо

Киев, оценивающийся некоторыми как “русскоговорящий Львов” — город русскоязычных украинских патриотов.

Зс. Все граждане Украины должны знать русский

Всего	ДА!	да	нет	НЕТ!
	12,3%	19,2%	32,9%	35,6%

Рис. Зс. Ожидания по поводу знания русского

Конечно, преобладающее отрицание точки зрения, что все украинцы должны знать русский, не может быть приравнено к мнению “украинцы не должны уметь говорить по-русски”. Симптоматичным здесь, не в последнюю очередь, является и тот факт, что убежденное согласие с утверждением, что все граждане Украины должны знать украинский, выразили три четверти всех опрошенных, но убежденное отрицание того, что все должны знать русский, — только треть. Кроме этого, Г.Хентшель и М.Брюггеманн на основании других данных¹, охватывающих всю Украину и собранных еще в 2012 году, отмечали, что, не считая не включенный в данное исследование Запад страны, подавляющее большинство граждан украинской национальности считали “важным” знать русский язык; и даже во Львовской области тогда так думала треть украинцев. Изменилось ли что-либо в этом принципиально позитивном отношении к знанию русского языка до сегодняшнего дня

¹ Это данные совместного немецко-австрийско-швейцарского проекта “Region, Nation and Beyond: An Interdisciplinary and Transcultural Reconceptualization of Ukraine”, финансируемого DFG, FWF и SNF (см.: <http://www.slavistik.uni-freiburg.de/forschung/lprojekte/region-nation-and-beyond.-an-interdisciplinary-and-transcultural-reconceptualization-of-ukraine>; дата обращения 17/02/2016). Данные были любезно предоставлены нам координатором проекта, У. Шмидом (университет Санкт-Галлена, Швейцария).

(то есть после Евромайдана и аннексии Крыма, в период вооруженных конфликтов), в настоящее время нельзя ответить.

4. Настроения относительно государственного языка

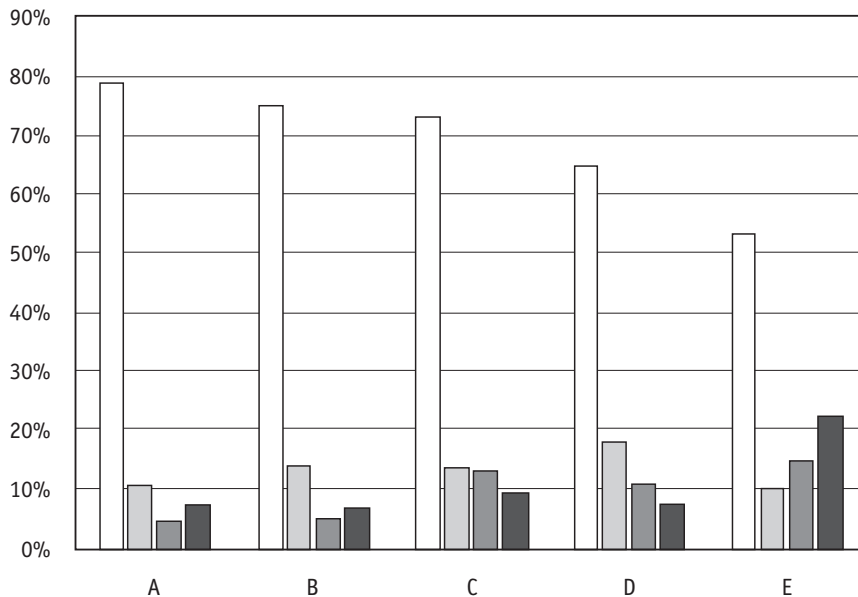
Во многих постсоветских государствах после распада коммунистической империи возникал и возникает вопрос о государственном языке. В Украине, как известно, украинский является единственным государственным языком, в отличие от Беларуси, где президент Лукашенко вскоре после его первого избрания при очевидной поддержке большей части граждан отменил аналогичный статус белорусского как единственного государственного языка и объявил русский язык вторым государственным. Учитывая существенное сокращение употребления белорусского в Беларуси и распространение русскоязычия белорусов, желание широких слоев белорусского населения иметь в дополнение к белорусскому также русский язык как государственный — вполне понятно (см.: [Хентшель, Киттель, 2011; Хентшель и др., 2016]). Как было показано в: [Хентшель, Тараненко, 2015; Хентшель, Целлер, 2016], на обширном пространстве своих центральных регионов украинский пребывает в гораздо лучшей ситуации, чем белорусский язык в Беларуси, а во многих частях страны даже доминирует. С другой стороны, в этих исследованиях также обнаружены некоторые разнотипные различия в использовании русского языка и в отношении к УРСР. Таким образом, и для Украины, или же, точнее, для ее центральных областей также возникает вопрос о настроениях населения касательно государственного языка.

Чтобы исследовать отношение к вопросу о государственных языках, были проверены три утверждения: “Украинский язык должен оставаться единственным государственным языком в Украине” (сохранение статус-кво); “Русский язык должен быть единственным государственным языком в Украине”; “И украинский, и русский язык должны быть государственными языками в Украине”. Реакции респондентов отчасти довольно однозначны, но лишь отчасти (рис. 4а, б).

Во всех ареалах заметно явное или же очень явное предпочтение того, чтобы сохранялся статус-кво с украинским как единственным государственным языком¹. В четырех из пяти ареалов согласие (“полное” или “частичное”) при этом составляет от 80 до 90%, с явным перевесом полного согласия. Только в Харькове (Е) согласие составляет примерно две трети. Признание русского в качестве единственного государственного языка является маргинальным мнением, с которым согласны (без ареальной дифференциации), соответственно, не более 10%. Противоположная направленность этих двух результатов, безусловно, не вызывает удивления. Более интересной представляется картина, если мы проверим третью опцию — с украинским и русским в качестве государственных языков (диаграмма на рис. 4с).

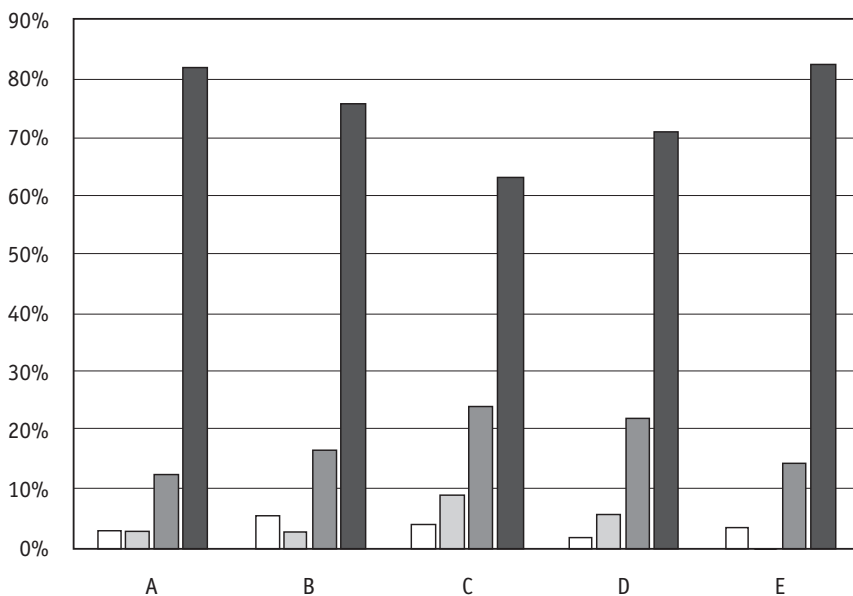
¹ Этот вывод также согласуется с цитируемым в: [Ukraine-Analysen, 2015: 152] исследованием Киевского международного института социологии (КМИС) для центрального региона, что во многом совпадает с нашей областью исследования (здесь не рассматриваются только Хмельницкий, с одной стороны, и Харьков с Днепропетровском — с другой). Там в феврале 2015 года 67% респондентов высказались против русского языка как “второго официального”, 13% высказались за; таким образом, все значения являются очень близкими.

4а. Украинский язык должен оставаться единственным государственным языком в Украине

Всего	ДА!	да	нет	НЕТ!
	70,8%	13,2%	7,7%	8,4%

4б. Русский язык должен быть единственным государственным языком в Украине

Всего	ДА!	да	нет	НЕТ!
	3,7%	4,2%	17,3%	74,8%

Рис. 4а, б. Единственный государственный язык — украинский vs русский

4с. И украинский, и русский язык должны быть государственными языками в Украине

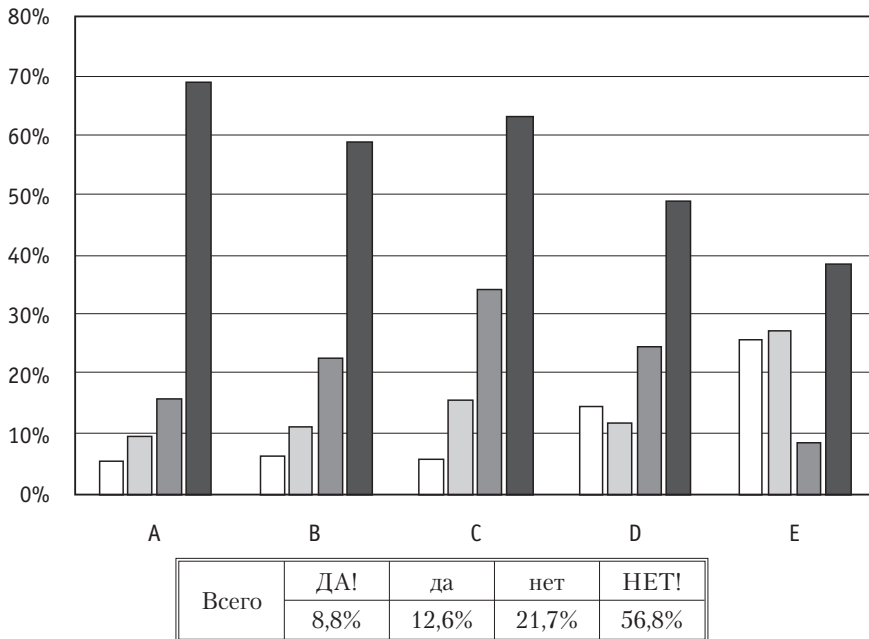

Рис. 4с. Два государственных языка

Решение в пользу двух языков не поддерживается большинством респондентов по всем ареалам (в среднем). Но примечательно, что по крайней мере один из пяти опрошенных поддерживает это решение, хотя скорее частично, чем убежденно. Показательно также, что даже в ареале А согласие (уверенное или ограниченное) составляет около 15%, а затем возрастает до 20–25% в ареалах В, С и D, а в E¹, то есть в ориентированном в языковом плане на русский язык Харькове, достигает чуть более 50% и, следовательно, становится мнением большинства. Таким образом, здесь также обнаруживается, что предпочтения для различных комбинаций в вопросах о государственном языке сдвигаются с запада на восток и от центра к периферии исследуемой территории в пользу решения о двух языках, но только в одном из частичных ареалов это является мнением большинства.

Конечно же, три дискутируемых высказывания являются противоречивыми в своей логике: если кто-то проголосовал, например, за сохранение украинского как единственного государственного языка, он должен, соответственно, не только голосовать против русского языка в качестве государственного, но и против двойного решения. Однако представленные здесь цифры для третьего варианта двойного решения предполагают, что ответы некоторых респондентов не согласуются с этой строгой логикой. Следует рассмотреть эти ответы для трех вариантов (“только У”, “только Р”, “оба”).

¹ Значения, приведенные в: [Хентшель, Брюггеманн, 2015] на основании данных, полученных из совместного немецко-австрийско-швейцарского проекта “Region, Nation and Beyond: An Interdisciplinary and Transcultural Reconceptualization of Ukraine” (см. выше), очень похожи.

Анализ будет упрощен в том смысле, что полное и частичное согласие (“скорее да”) или же частичное и полное отрицание (несогласие) будут переведены в дихотомию “да” / “нет”. Таблица 4.1 показывает общую картину исследуемого ареала¹.

Таблица 4.1

“Логичность” и “нелогичность” в ответах

Вариант	Только У	Только Р	Оба языка	Государственный язык должен быть	<i>n</i>	%	%
1	да	нет	нет	только украинский	833	72,4	
2	нет	да	нет	только русский	18	1,6	
3	нет	нет	да	оба	102	8,9	17,9
4	да	нет	да	украинский или оба	85	7,4	
5	нет	да	да	русский или оба	18	1,6	
6	нет	нет	нет	“нигилисты”	46	4,0	8,2
7	да	да	нет	только один, все равно какой	23	2,0	
8	да	да	да	“равнодушные”	25	2,2	
				итого	1150	100	

Отчетливым остается доминирование предпочтения статус-кво: государственный язык только украинский — вариант 1. Еще более отчетливым является отказ от русского языка в качестве единственного государственного — 2. Ответ “оба”, то есть вариант 3, выбрал все же каждый двенадцатый из опрошенных украинцев (имеется в виду национальность). Итак, эти три группы в своих ответах следуют логике трех вопросов, то есть если на один из них дается положительный ответ, то на два других дается отрицательный. Для следующих групп это не так. Исходя из логики вопроса, с одной стороны, может стоять только одно “да”, и не более того, как это имеет место в вариантах 4 и 5, а также 7 и 8. С другой стороны, нужно было хотя бы раз ответить “да”, а не давать отрицательный ответ на все три вопроса, как в варианте 6, если только речь не идет об отрицании любого определения государственного языка. Тем не менее две другие комбинации вполне поддаются интерпретации: к варианту 3 можно прибавить варианты 4 и 5, так как эти респонденты могли бы в крайнем случае принять решение о двух языках, однако при выборе в пользу единственного хотят либо украинский, либо русский (первый в четыре раза чаще). То есть каждый шестой из всех респондентов мог бы принять решение о двух языках. Респондентов же с комбинациями ответов в вариантах 6 и 8, да

¹ В этот анализ не были включены те из 1343 респондентов украинской национальности, которые не ответили хотя бы на один вопрос. В таком случае интерпретация усложнялась бы. Таких оказалось 203 респондента. Часто они не комментировали сразу несколько высказываний, а именно: только одно — 129, два — 34, все три — 30. Чаще всего не было ответа на вопрос о том, должны ли украинский и русский вместе быть государственными языками (131 раз). На вопрос об украинском как единственном государственном языке не ответили 76 респондентов, на вопрос о русском как единственном государственном — 80 респондентов.

и в варианте 7 сложно классифицировать. Скорее всего, можно предположить, что для них вопрос о государственном языке не имеет особого значения. Но вместе взятые они составляют не более 8% и не были включены в дальнейший анализ по вопросу желаемого государственного языка.

Какое влияние имеет языковая ориентация в повседневной жизни на отношение к государственным языкам? То, что она в принципе оказывает влияние, показывают представленные различия в пяти субареалах ареала исследования; эти различия базируются на разделении оценки частоты трех кодов среди самих респондентов, а также в их семьях и более дальнем окружении.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос, какой язык они прежде всего используют в повседневной жизни. С другой стороны, респонденты указывали для каждого из трех языковых кодов как часто (постоянно — часто — иногда — редко — никогда) они используют их в повседневной жизни. Таким образом, поскольку два или даже три кода могут быть классифицированы опрошенными как по крайней мере часто используемые, эти оценки дают информацию о (преимущественной) “одно-, двух- или трехкодовости” респондентов (см.: [Хентшель, Целлер, 2016]).

Сначала будет изучена взаимосвязь между заявленным первичным языком в повседневной жизни и настроениями по поводу урегулирования вопроса о государственном языке. Преимущественно используемым языком, или кодом, в общей сложности 62,6% респондентов называют украинский, 23,0% — УРСР и 14,4% — русский¹.

Таблица 4.2

Основной повседневный язык и предпочтения по поводу государственного языка (языков)

Основной код в повседневном общении	Только украинский (1)	Только русский (2)	Оба языка (3, 4, 5)	Общий процент	<i>n</i>
Украинский	79,0%	1,4%	11,8%	92,2%	739
УРСР	69,4%	1,2%	22,1%	92,6%	258
Русский	45,8%	3,3%	39,9%	88,9%	153

Выводы таковы:

- Даже среди тех, кто называет русский преимущественно используемым кодом, более половины отдают предпочтение украинскому в качестве единственного государственного языка. Желание видеть русский единственным государственным языком даже в этой группе является маргинальным явлением.
- При этом желание иметь два государственных языка в этой группе является почти столь же распространенным, как и выбор в пользу единственного украинского, то есть каждый второй склоняется к этому.
- Вполне ожидаемо, что респонденты с украинским как основным языком повседневного общения в подавляющем большинстве желают,

¹ Для сравнения: часто или постоянно (при возможности дать несколько вариантов ответа) украинский используют 74,5%, УРСР — 49,1%, русский — 27,6%.

чтобы украинский был единственным государственным языком. Тем не менее каждый восьмой согласился бы с выбором в пользу двух языков.

- Значения показателей для тех, для кого УРСР является основным кодом, находятся между показателями двух других групп, но гораздо ближе к тем, для кого украинский является основным языком повседневного общения. Почти каждый четвертый был бы согласен на двойной выбор.

В последующем анализе (табл. 4.3) будет учтена возможная “многокодовость” респондентов. Мы проверим, есть ли связь между предпочтениями касательно государственного языка, с одной стороны, и тем, какие из трех кодов респонденты используют часто или постоянно — с другой.

Таблица 4.3

Многокодовость и предпочтения касательно государственного языка (языков)

Часто / постоянно используемые коды	Только украинский (1)	Только русский (2)	Оба языка (3, 4, 5)	Общий процент	<i>n</i>
Украинский	79,5%	1,4%	11,4%	92,3%	429
Украинский / УРСР	77,4%	1,4%	15,9%	94,6%	296
Украинский / русский	77,1%	2,1%	16,7%	95,9%	48
УРСР	67,8%	0,9%	20,9%	89,6%	115
Украинский / русский / УРСР	66,0%	1,0%	23,3%	90,3%	103
Русский / УРСР	52,9%	3,9%	35,3%	92,2%	51
Русский	48,6%	2,9%	33,3%	84,7%	105

Это, в свою очередь, позволяет сделать следующие наблюдения:

- Если украинский является единственным или одним из двух часто или постоянно используемых кодов (не важно наряду с УРСР или с русским), то наблюдается явный перевес предпочтений в пользу украинского как единственного государственного языка. Если же к украинскому подключается УРСР или русский, то отмечается лишь незначительный подъем ответов в пользу “двойного” решения.
- В остальных же случаях эти отчетливо “двухкодовые” респонденты отвечают, как “однокодовые”.
- Если русский язык является единственным или одним из часто или постоянно используемых кодов наряду с УРСР, выбор “только украинский” все же остается предпочтительным, но двойной выбор преобладает уже у каждого третьего опрошенного.

Респонденты, называющие только УРСР или все три кода, по своим показателям находятся посередине.

Следует также рассмотреть взаимосвязь между образованием и предпочтениями относительно государственного языка. При этом достаточно принять во внимание выводы о связи высшего образования (полного или неполного) с многокодовостью респондентов, как это было сделано в рабо-

те: [Хентшель, Целлер, 2016: табл. 6), и сравнить их с данными таблицы 3 относительно многокодовости и предпочтений касательно государственного языка, где видно, что группы “Украинский / Русский”, “Украинский” и “Украинский / УРСР” демонстрируют одинаково высокое предпочтение в отношении украинского как единственного государственного языка (80%). Однако в этих группах, как показано в [Хентшель, Целлер, 2016], представлены очень разные пропорции респондентов с высшим образованием: 37,5% (это максимум для всех групп) vs 27,2% vs 19,0% (это почти минимум для всех групп). Кроме того, у “однокодовых” носителей УРСР, высшее образование среди которых по понятным причинам является наименее распространенным (но составляет все же 18%), показатель выбора украинского как единственного государственного языка достигает похожего, довольно высокого уровня — почти 70%. Это означает, что образование в вопросе желаемого государственного языка не имеет значения — так же, как пол и возраст (что можно здесь отметить без экспликации схожих в значительной степени показателей для обоих полов и трех возрастных групп).

5. Отношение к УРСР (суржик)

Если рассматривать установки по отношению к УРСР, то, конечно же, не может быть речи о желании придать УРСР официальный статус регионального или, тем более, государственного языка. Респондентам было предложено поддержать или отклонить шесть утверждений:

1. Смешанный язык представляет собой угрозу для украинской культуры.
2. Смешанный язык портит знание украинского языка у украинцев.
3. Смешанный язык портит знания русского языка у украинцев.
4. Не следовало бы использовать смешанный язык публично.
5. На смешанном языке можно лучше всего выразить свои чувства.
6. Смешанный язык играет для меня немаловажную роль.

Распределение согласия и несогласия с этими заявлениями показывает диаграмма на рисунке 5а (без ареальной дифференциации).

Между отрицанием и согласием в большинстве ответов примерно сохраняется баланс, только по поводу вопроса, играет ли УРСР значительную роль для респондентов, одна из двух тенденций (здесь отрицательная) достигает более 60%. Респонденты скорее согласны с утверждением, что УРСР вредит украинскому и что не следует использовать ее публично. То, что УРСР угрожает украинской культуре или же знанию русского языка, отрицается большинством. Незначительное большинство опрошенных отвергают утверждение о том, что при помощи УРСР можно наилучшим образом выразить свои чувства.

Вместо того, чтобы показать ареальное распределение по этим отдельным суждениям, следует сначала определить, какие из этих утверждений могут быть отнесены к тем же основным аспектам отношения к УРСР, то есть насколько отдельным утверждениям соответствует “один и тот же” аспект отношения к языку. В ходе опроса респондентов просили в общей сложности о подтверждении либо отрицании 38 высказываний, среди которых — упомянутые шесть утверждений об УРСР и приведенные в предыдущих параграфах утверждения по поводу языковых вопросов, а также выска-

звания в отношении культурной, национальной и государственной идентичности украинцев и геополитических вопросов о взаимоотношениях Украины с Европейским Союзом и Российской Федерацией. Для рассмотрения ответов на эти 38 вопросов был применен метод главных компонент¹. Такой анализ определяет, можно ли редуцировать на основании ответных реакций респондентов 38 утверждений к немногим так называемым компонентам, за которыми стоят латентные переменные, то есть основные аспекты отношения.

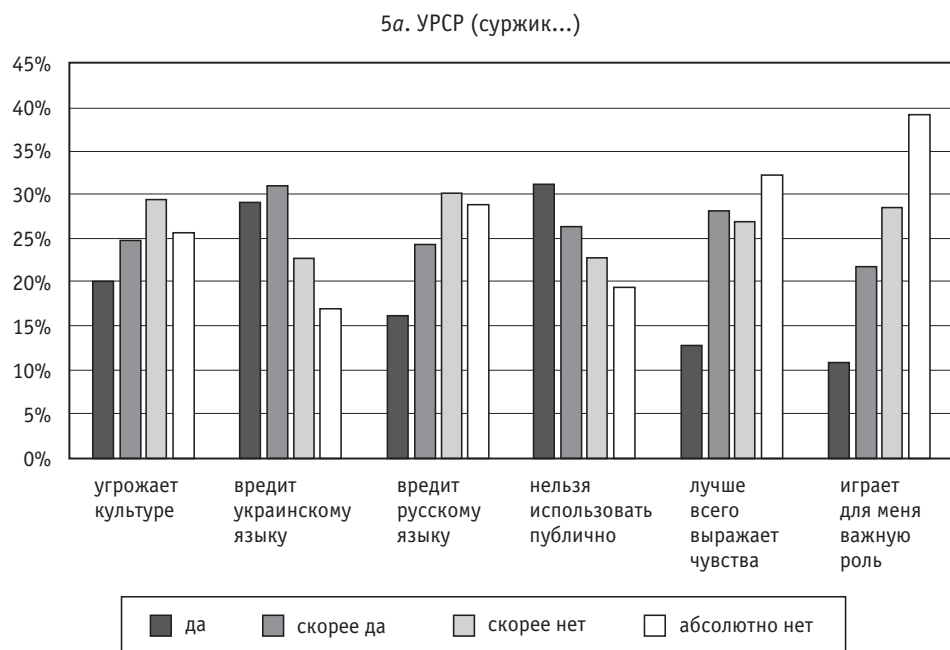

Рис. 5а. Отношение к УРСП (суржику)²

Двенадцать компонент в результате этого анализа были признаны релевантными; таким образом, 38 утверждений сводятся к двенадцати латентным переменным. Существенно, что две из этих компонент определяются исключительно шестью вопросами по УРСП. С одной стороны, это показывает, что отношение к УРСП не зависит ни от отношения к языковой политике, ни от

¹ Речь идет о методе главных компонент (Principal-Component-Analyse) с неортогональным вращением ("Oblimin"). Величина критерия адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина дала очень хорошее значение: 0,804. Критерий сферичности Бартлетта показал при $\chi^2 = 4025,46$, $df = 703$, $p < 0,001$, что корреляция между отдельными переменными была достаточно большой. Было получено двенадцать компонент со значением более 1 (критерий Кайзера). В сочетании эти двенадцать компонент объясняют 56,2% дисперсии в ответах по 38 утверждениям (см.: [Field, 2009: p. 627–685]).

² В отличие от предыдущих диаграмм, где важно было представить ответные реакции в различных ареалах (под диаграммами также дополнительно были представлены распределения во всей исследуемой области), подача средних значений для полного согласия, сдержанного согласия, сдержанного отрицания и полного отрицания по этому пункту, когда речь идет о согласии с шестью различными утверждениями не имела бы смысла.

отношения к русскому или украинскому языку; не зависит оно и от отношения к вопросам об автономии Украины и т.п., а определяется собственными латентными переменными. С другой стороны, это показывает, что отношение к УРСР не является одномерным, а имеет два измерения — две латентные переменные, принципиально независимые друг от друга. Дихотомия отношения к языкам и идиомам в измерениях “социального статуса” и “групповой солидарности” [Ryan et al., 1982: 8; Preston, 1999: p. 364] достаточно известна. Компоненты, полученные в нашем анализе, указывают на сопоставимую, но все же не идентичную дихотомию. Утверждения, составляющие компоненту 1, относятся, скорее, к более глобальной роли УРСР, что касается (языковой) культуры и публичного пространства. Компонента 2 относится к утверждениям, касающимся роли УРСР в частной и в повседневной жизни, особенно — ее пользы. Таблица 5.1 показывает силу корреляции отдельных утверждений с обеими учитываемыми компонентами¹.

Таблица 5.1

Корреляция отношения к УРСР с учитываемыми компонентами

Отношение к УРСР	корр.-коэфф. <i>r</i>	Компоненты
1. Смешанный язык представляет собой угрозу для украинской культуры	0,722	УРСР губительна для культуры
2. Смешанный язык портит знание украинского языка у украинцев	0,785	
3. Смешанный язык портит знание русского языка у украинцев	0,694	
4. Не следовало бы использовать смешанный язык публично	0,548	
5. На смешанном языке можно лучше всего выразить свои чувства	0,816	УРСР в частном использовании оценивается положительно
6. Смешанный язык играет для меня не-маловажную роль	0,768	

Для двух учитываемых компонент был использован кластерный анализ² с целью идентифицировать различные типы респондентов. Так были получены четыре типа:

- “Убежденные противники”: УРСР вредна в культурном плане, и ее следует избегать даже в частной сфере.
- “Умеренные скептики”: УРСР не угрожает культуре, но ее все-таки следует избегать в частной сфере.
- “Осторожные сторонники”: УРСР, пожалуй, вредна в культурном плане, но в частной сфере все же удобна.
- “Убежденные друзья”: УРСР никоим образом не вредна в культурном плане и в частной сфере удобна.

¹ Факторные нагрузки вопросов после вращения (матрица-образец, только корреляции с $r > 0,3$). Согласно [Evans, 1996], корреляции с $r > 0,8$ следует интерпретировать как “очень сильные”, при $r > 0,6$ — как “сильные” и при $r > 0,4$ — как “умеренные”.

² Кластерный анализ *k-means* с заранее заданным числом кластеров (4).

Результаты этого анализа показаны в таблице 5.2.

Таблица 5.2

Отношение к УРСР — типы респондентов¹

Кластеры	УРСР губительна для культуры	УРСР в частном использовании оценивается положительно	Кластерные центры: УРСР губительна для культуры	Кластерные центры: УРСР в частном использовании оценивается положительно	Количество	%
“Убежденные противники”	+	–	–0,84	0,76	400	29,8
“Умеренные скептики”	–	–	0,95	0,71	322	24,0
“Осторожные сторонники”	+	+	–0,86	–1,19	218	16,2
“Убежденные друзья”	–	+	0,53	–0,68	403	30,0

Примечание: “+” означает согласие, “–” означает отрицание.

По 30% опрошенных позиционируют себя по отношению к УРСР однозначно, то есть в обоих измерениях высказываются либо за, либо против УРСР. Это убежденные противники или же убежденные друзья. Однако 40% не отвечают однозначно. Некоторые оценивают УРСР в частном порядке скорее позитивно, но при этом рассматривают ее как угрозу культуре (осторожные сторонники, составляющие примерно 16%). Другие же не видят никакой пользы в частном использовании УРСР, но при этом считают, что она не представляет никакой опасности для культуры (умеренные скептики, составляющие 24%). Другими словами, только около трети респондентов рассматривает УРСР как явно отрицательное явление, тогда как большинство так или иначе колеблется или даже оценивают ее положительно. Диаграмма на рис. 5b показывает распределение этих типов по ареалам.

Доля убежденных друзей УРСР, судя по всему, коррелирует с частотой использования УРСР, постепенно повышающейся от ареала А к ареалу С, наиболее сильно возрастающей в ареале D, а в ареале Е снова снижающейся. На первый взгляд это может показаться непримечательным, ведь нет ничего удивительного в том, что там, где УРСР используется наиболее часто (D), она менее всего воспринимается как угроза. С другой стороны, в ареале D также наиболее часто представлены осторожные сторонники, считающие УРСР все-таки вредной в культурном плане, но в частном использовании

¹ Выходные переменные были кодированы от 1 = “полностью согласен” до 4 = “категорически не согласен”. Рассчитанные компоненты положительно коррелируют с этими утверждениями, то есть имеют одинаковую полярность: отрицательные значения указывают на согласие, положительные — на отрицание. Отсюда следует, что положительный центр кластера означает отрицание утверждений, отрицательный центр кластера — согласие.

оценивающие ее положительно. Что же касается типа осторожных сторонников, различия между ареалами остаются небольшими, за исключением Харькова (Е), где этот тип представлен очень слабо. Кроме того, четко просматривается, что с частотой использования УРСР так же отрицательно коррелирует доля умеренных скептиков, которые не рассматривают УРСР как вредное явление, но и не видят в ней никакой пользы. Конечно, это вполне логично, поскольку в ареалах, где русский и украинский доминируют в повседневной жизни, именно эти языки используются в частной сфере. Доли убежденных противников везде находятся на сопоставимом уровне, и только в Харькове они встречаются гораздо чаще, чем в других ареалах. Таким образом, этот тип не коррелирует с уровнем использования УРСР.

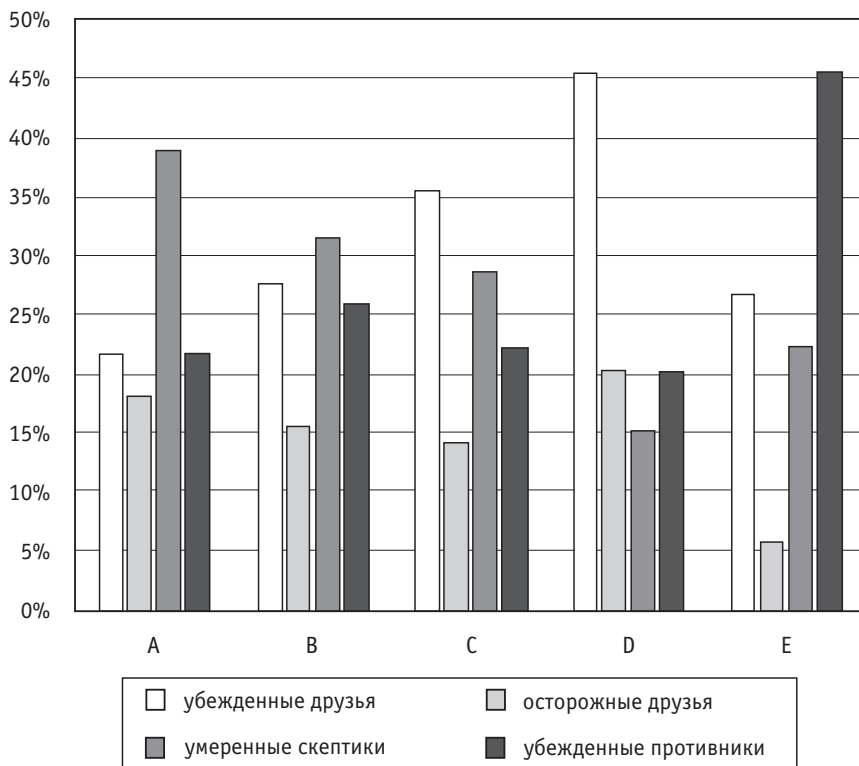

Рис. 5b. Отношение к УРСР (суржику)¹

6. Выводы

Деление на пять ареалов по языковым предпочтениям является основным фактором вариантности отношений к украинскому и русскому языкам, но не во всех случаях. Всюду наблюдается явное согласие большинства относительно того, что можно быть украинцами, не говоря на украинском языке, с другой же стороны, так же повсеместно поддерживается большинством точка зрения, что гражданин Украины должен знать украинский (от

¹ Доли четырех типов респондентов во всей области исследования представлены в таблице 5.2.

20% до 50% респондентов в ареалах считают так и в отношении русского, но это не согласуется с общей иерархией предпочтений в использовании). Таким же единодушным является однозначное мнение большинства, что украинское государство не нарушает права ни украиноязычных, ни русскоязычных — что явно противоречит московской пропаганде. Это верно даже для безусловно ориентированного на русский язык региона Харькова. Относительно равномерным и сбалансированным между “да” и “нет” является отношение к вопросу о том, является ли языковой вопрос одной из важнейших причин политических конфликтов. Инструментализация языкового вопроса различными политическими лагерями как в Украине, так и со стороны официальной России в последние годы, конечно же, известна людям, даже если они не видят каких-либо нарушений прав “языковых групп”. (Анализ показал, что предполагаемые языковые группы различаются не бинарно, а градуально.) Также без значительных ареальных различий обнаруживается скепсис либо большая сдержанность в связи с вопросом, следует ли улучшить правовой статус русского языка на Востоке и Юге Украины. Тем не менее это сопровождается мнением, выраженным большинством во всех исследуемых регионах, что такое решение следует принимать не в Киеве, а децентрализованно. Несмотря на сильно распространенную симпатию к украинскому, среди большинства населения не просматривается дискриминация по отношению к владеющим только русским языком и наблюдается либеральное отношение к локальному регулированию прав для языков и их носителей. Это должно придать смелости и политикам в Украине для децентрализации принятия решений по определенным вопросам.

Что же касается государственного языка, то проявляется несколько явных тенденций, хотя и с частичным несоответствием ответной реакции некоторых респондентов по отношению к противоположным вариантам ответов, сформулированным в различных вопросах исследования: во всей области исследования большинство респондентов придерживается четкой позиции, что украинский должен остаться единственным государственным языком. От ареала А, “наиболее украинского” с точки зрения использования трех кодов, до “наиболее русского” ареала Е согласие градуально уменьшается, не теряя и в последнем явного большинства. Логически противоположное мнение о том, что украинский и русский вместе должны быть государственными языками, в среднем отвергается большинством. Но, во-первых, это не так в “наиболее русском” ареале Е, где “да” в пользу двух языков даже слегка превалирует над “нет”. Во-вторых, в других ареалах отказ от “двойного” решения все же не так сильно выражен, как согласие с тем, чтобы и далее сохранялся статус-кво с украинским в качестве единственного государственного языка. Другими словами, многие из респондентов, высказывающихся за статус-кво (хотя и не большинство, за исключением Харькова), согласились бы и с двойным решением.

Установки по отношению к третьему релевантному в Украине коду, украинско-русской смешанной речи, оказываются сравнительно индифферентными к тому, как респонденты позиционируют себя относительно двух литературных языков, а также касательно таких вопросов, как автономия и политическая ориентация Украины. Как показывают результаты исследования, в отношении респондентов к этому стигматизированному в публичном дискурсе коду выделяются два аспекта. Два ключевых вопроса в связи с отношением людей к УРСР — это, судя по всему, следующие: (1) рассматри-

вают ли они УРСР как полезную или удобную в повседневной жизни и (2) оценивают ли они УРСР как разрушительную для культуры. Если смоделировать ответ на оба эти вопроса бинарно, в результате возникает кросс-классификация. Другими словами, можно определить четыре типа респондентов: убежденные противники расценивают УРСР как разрушительную для культуры и не видят положительной стороны ее использования в частной сфере. Убежденные друзья ценят ее в частной сфере и не видят в ней никакой угрозы для культуры. Амбивалентными, с обратной констелляцией признаков, являются две группы: осторожные сторонники, которые рассматривают УРСР как угрозу культуре, но признают ее пользу в частном использовании, а также умеренные скептики, которые не рассматривают УРСР как угрозу для культуры, но и не видят в ней никакой пользы.

Отчасти в исследуемом ареале просматриваются взаимосвязи между отношением респондентов к УРСР и частотой использования трех кодов, причем иногда эти взаимосвязи очень неожиданные: тот факт, что меньше всего убежденных противников насчитывается в районе Днепра и Сум, где УРСР однозначно является основным средством коммуникации в повседневной жизни, вполне понятен. Удивляет, однако, то, что, во-первых, их численность в трех западных частичных ареалах с преобладанием украинского как языка повседневного общения лишь незначительно выше и составляет только немногим более одной пятой, а во-вторых, что самое сильное противостояние УРСР наблюдается именно в регионе Харькова (почти каждый второй респондент), где в повседневной жизни явно доминирует русский.

В качестве общего вывода можно отметить, что представленный здесь анализ (как и анализ, описанный в: [Хентшель, Брюггеманн, 2015] на основании более ранних данных из опросов, проведенных до кризиса), не содержит никаких свидетельств глубокого и вирулентного языкового конфликта среди украинского населения и не подтверждает радикальной неприязни украинцев из центральных частей страны к русскому языку и русскоязычным¹. Предпочтение, безусловно, отдается украинскому — как в использовании, так и применительно к вопросам статуса языков в обществе, без отрицания права на существование русского языка или попыток отеснить его. Отношение респондентов к УРСР, судя по всему, практически не зависит от этих языково-политических предпочтений, и явное большинство почти во всех ареалах относится к этому вопросу индифферентно.

¹ Результаты уже упомянутого опроса КМИСа от февраля 2015 года, представленные в: [Ukraine-Analysen 2015: 152, p. 17], не подтверждаются нашими данными: для Запада Украины там было указано, что 42% респондентов выступает за запрет русского языка в качестве официального; для Центра это всего 24%. Не исключено, что в промежутке между лежащим в основании исследования опросом, проведенным в июне / июле 2014 года, то есть до начала массовых военных конфликтов, и произошедшими в феврале 2015 года кровавыми событиями у многих украинцев появилось весьма негативное отношение к России и русскому языку. Обескураживающим, однако, является то, что запрет был только одним из четырех вариантов в одном из вопросов. Другие варианты: “признание в качестве второго официального языка там, где этого хочет большинство”, “вести как второй официальный язык” или “трудно сказать”. В квазиерархически упорядоченных первых трех вариантах ответа не хватает варианта “остаться при статус-кво”, что, вероятно, также увеличивает значение для запрета.

Источники

Evans J. D. Straightforward statistics for the behavioral sciences / Evans J.D. — Pacific Grove : Brooks/Cole Publishing, 1996.

Field A. Discovering statistics using SPSS.3 / Field A. — Los Angeles : Sage Publications, 2009.

Garrett P. Investigating language attitudes: Social meanings of dialect, ethnicity, and performance / Garrett P., Coupland N., Williams A. — Cardiff : University of Wales Press, 2003.

Hentschel G. “Trasjanka” and “Suržyk” — zum Mischen von Sprachen in Weißrussland und der Ukraine: Einführung in die Thematik und Ausblick auf den Band / G. Hentschel // Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). — Frankfurt/M. : Peter Lang, 2014. — P. 1–26.

Hentschel G. Aspekte der Sprachverwendung in zentralen Regionen der Ukraine / G. Hentschel, J.P. Zeller (i.Dr.) // Wiener Slavistischer Almanach. — 2017. — 79.

Krause M. Das Image regionaler Varietäten als Indikator soziolinguistischer Kompetenz und metalinguistischer Bewusstheit: Herkunftssprecher Innen und monolinguale Muttersprachler Innen im Vergleich / M. Krause // Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress / S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša (Hrsg.). — Minsk ; München : Sagner, 2013. — S. 175–185.

Moser M. Language policy and the discourse on languages in Ukraine under president Viktor Yanukovich (25 February 2010 — 28 October 2012) / Moser M. — Stuttgart: Sagner, 2013.

Preston D.R. A language attitude approach to the perception of regional variety / D.R. Preston // Handbook of perceptual dialectology; Vol. 1 / D.R. Preston (ed.). — Amsterdam & Philadelphia : J. Benjamins, 1999. — P. 359–373.

Ryan E.B. An integrated perspective for the study of attitudes towards language variation / E.B. Ryan, H. Giles, R.J. Sebastian // Attitudes towards language variation / E.B. Ryan, H. Giles (eds.). — L. : E. Arnold, 1982. — P. 1–19.

Stavic'ka L. Ein Blutschandekind der Postmoderne / L. Stavic'ka // Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). — Frankfurt/M : Peter Lang, 2014. — P. 343–370.

Sovik M. Support, resistance and pragmatism: An examination of motivation in language policy in Kharkiv, Ukraine / Sovik M. — Stockholm : Stockholm University, 2007.

Ukraine-Analysen 2015. Die Meinung der Ukrainer zur Sprachenfrage // Ukraine-Analysen. — 2015. — 152. — P. 15–17.

Хентшель Г. 2015. Чи існує в Україні українсько-російський мовний конфлікт? Про співіснування, протистояння та змішування української й російської мов / Г. Хентшель, М. Брюггеманн // Українська мова. — 2016. — № 1. — С. 55–76.

Хентшель Г. Языковая и политическая ориентация молодых совершеннолетних белорусов: между русским и белорусским — между востоком и западом / [Г. Хентшель, М. Брюггеманн, Г. Гейгер, Я.П. Целлер] // Социология (Минск). — 2016. — № 2. — С. 57–76.

Хентшель Г. 2011. Языковая ситуация в Беларуси: Мнения белорусов о распространённости языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология (Минск). — 2011. — № 4. — С. 62–78.

Хентшель Г. Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, “суржик” (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування) / Г. Хентшель, О.О. Тараненко // Movoznavstvo. — 2015. — № 4. — С. 3–25.

Хентшель Г. Аспекты использования языков в центральных регионах Украины / Г. Хентшель, Я.П. Целлер // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2016. — № 4. — С. 142–163.